

1-го января. Суковкин и Бутков, которые выражали взгляд на службу. Сегодня утром оделся я в парадную форму и отправился в Зимний дворец, где назначено было мне представиться великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам.

Во дворце множество генералитета и всяких чинов обоего пола, все бегали по передним, записываясь у особ императорской фамилии. Многие приезжали благодарить за полученные награды. Между прочим, государственный секретарь Бутков получил <орден Св.> Владимира 2-й ст<епени>, а управляющий Комитетом министров Суковкин <назначен> статс-секретарем. Эти два лица, по моему мнению, совершенно выражают современный взгляд на службу и на награждения доблести. Оба они выведены в люди князем Чернышевым, постоянно служили по министерству Военному, они скоро выдвинулись из ряда и далеко обогнали своих товарищей. На чем же основано их отличие? Заслуг особенных ни один из них не оказал, государственных способностей в них решительно заметить невозможно. Все и решительное достоинство их состоит из ловкости и умения обделывать делишки, т. е. так их спускать с рук, чтобы все были довольны, одним словом, они оба глубоко постигли науку, называемую фифиологию. Наука эта требует пропасть вспомогательных изучений, и этим главным образом заняты все сии профессора. Они досконально знают все мельчайшие подробности отношений сильных лиц, следят тщательно за всеми изменениями их отношений, и все их внимание обращено только «как бы так обставить» (это — техническое выражение) дела, чтобы они сошли гладко, будет ли от этого какая польза делу или нет — их совсем не интересует. Никакого серьезного участия к общественному делу, убеждению или мысли в них решительно нет. Заговорите с ними о чем хотите — вы удивитесь поверхности суждения о существе вопроса и подробности изучения его внешней формы. Все высшие лица обыкновенно о них отзываются так: «Способный человек, ловкий, распорядительный, с ним приятно иметь дело». В случае какого-нибудь затруднения мне не раз случалось слышать такие слова: «Э, да об этом надо переговорить с Бутковым, он это дело обделает», или: «Съездите от меня к Суковкину и скажите ему, чтобы он как-нибудь это дело уладил», или: «Бутков предварительно со мною об этом переговорит, и мы с ним это дело устроим». Все эти отзывы я привожу затем, чтобы показать, в чем именно состоит деятельность этих лиц и к чему она направлена. Спешу заметить, что оба они люди честные, т. е., получая огромное содержание, взяток не берут и на деньги неподкупны, и посторонние влияния, <которым> они подчиняются, не могут быть обращены им в укор, потому что собственных убеждений они не имеют решительно. Вред такого направления службы поэтому хуже открытых и явных злоупотреблений — рано или поздно зло обнаружится, ибо придет время, когда почувствуют необходимость в деятелях, и способных и действительных. Об этом предмете я, вероятно, не раз буду случай иметь говорить в этих записках; сегодня разболтался по поводу наград и совершенно некстати, потому что есть о чем поговорить, более заслуживающем внимания.

Сегодня получено известие, что соединенные флоты решительно вошли в Черное море. Князь Меншиков доносит, что английский пароход подошел к севастопольскому рейду и хотел подойти ближе к укреплениям, но ему послали повещательный¹⁴ выстрел, чтобы он не шел вперед, иначе будут по нему стрелять. Тогда он остановился вне рейда, и к нему были посланы шлюпки с вопросом о причине его прихода. Командир парохода отдал депешу соединенных адмиралов¹⁵ к начальнику севастопольского порта, в которой они уведомляют его, что получили приказание от правительства их войти в Черное море для охраны турецких берегов, но что, впрочем, они состоят с нами в мире. Сказывают, что в то время, когда пароход стоял на якоре, то все офицеры забрались на мачты и оттуда с помощью зрительных труб старались рассмотреть и нарисовать план укреплений наших. Сегодня же французский и английский послы объявили графу Нессельроде официально, хотя и не письменно, о вступлении соединенных флотов в Черное море. Известие это, хотя совершенно ожидаемое, произвело сильное впечатление. Все невольно спрашивали друг друга, что предстоит в наступившем году. Судя по нескольким словам великих князей, я понял, что государь также ожидает и готовится к великим событиям.

Выхода сегодня не было, но для первых чинов двора был небольшой выход в малой церкви. После обедни государь вышел в ротонду и, обратясь к стоящим министрам и генералам, поздравил их с Новым годом и при этом сказал несколько слов относительно предстоящей войны:

«Что-то нам готовит наступающий год, — сказал он, — одному Богу известно, надеюсь на него и имея таких помощников, как вы, я спокоен». При сих словах он заметно был взволнован, и слезы показались на глазах. Дай Бог ему, чтобы он не ошибся в своих помощниках, моя же вся надежда на Бога и на него. Из дворца я поехал записываться в разные места и, между прочим, был у принца Августа, брата великой княгини Елены Павловны, он приехал сюда на днях для свидания с сестрой. Я зашел к адъютанту его, полковнику прусской службы Гайеру, и застал его дома. Он сказал мне, что сейчас воротился из дворца, где государь, подойдя к нему и взяв его за руку, сказал: «Je suis charmé d'apprendre que vos camarades de Potsdam sont animés de bons sentiments. Dites leur de ma part que je suis touché de leur manifestation et que j'espère que nous marcherons toujours ensemble en restant bons camarades»*. Я спросил Гайера, в чем состояла манифестация прусских офицеров, о которой упоминает государь, и он ответил мне, что прусские офицеры прислали какое-то поздравление по случаю Синопского дела и, кроме того, положили сделать какую-то складчину в пользу бедных или чего-то другого, хорошенько не знаю, в случае первой победы, одержанной нами против англичан. Ох, боюсь я этих дружественных и симпатичных немецких манифестаций — не к добру они. Весь город говорит сегодня о войне с англичанами: всяк судит по-своему, всех мнений не перечтешь. Из них больше половины основаны на иностранных журналах и на страхе

* Я рад узнать, что Ваши друзья из Потсдама воодушевлены добрыми чувствами. Передайте им от меня, что я тронут выражением этих чувств и надеюсь, что мы всегда будем шагать вместе, оставаясь добрыми друзьями.

за бедную Россию, которая в их глазах уже «почитай, что пропала». Великого князя Константина Николаевича я видел мельком в Зимнем дворце. Он подтвердил мне, что государь был очень доволен моим представлением о возможности принять обмундировку и продовольствие бессрочных отпусковых Морского ведомства на счет сумм министерств, не требуя на сей предмет особой ассигновки. Государь встал с места и низко поклонился великому князю, сказав: «Чувствительнейше Вам благодарен».

Доклад мой действительно пришелся кстати, ибо, не говоря об огромных денежных расходах, наблюдаемых в теперешнее время, представляются непрерывно новые, непредвиденные издержки, которые можно назвать неприятными сюрпризами.

Так, например, из числа посланных в кругосветную экспедицию трех судов: фрегата «Аврора», транспортов «Неман» и «Наварин» — первый потерпел сильную бурю и должен был чиниться, второй совсем погиб — успел спастись только экипаж, а третий сильно повредился и должен был чиниться в Англии. Едва «Наварин» починился и вышел в море, опять должен был вернуться и чиниться. Чинка продолжалась около месяца, а в это время англичане делали нашим офицерам и матросам всякого рода пакости, сманивали матросов и уговаривали пятерых бежать. Наконец починившись, «Наварин» вышел в море по назначению в Камчатку, но вместо того пошел в Голландию, и командир прислал оттуда донесение, что дальше идти не может; что будут делать с экипажем и грузом — еще неизвестно. Государь сильно огорчен был этим известием. Для кругосветной экспедиции выбраны были лучшие суда Балтийского флота. Что же после того остальные? Такого рода открытия и сюрпризы накануне войны могут свести с ума человека. Виноватого в этом деле, разумеется, нет. По ведомостям и министерским сведениям все в порядке. Право, хуже войны нас разоряет это всеобщее равнодушие к общественному делу и бумажная игра в администрации.

Сегодня получены известия о блистательных победах для наших войск близ Кадафата. К несчастью, опять победа без результатов. Храбрость наших войск изумительна. Три батальона пехоты при 4-х орудиях держались более двух часов против 18-ти тысяч турок и 24-х орудий. Отрядом командовал полковник Баумгартен, генерал Бельгард пришел ему на помощь и заставил неприятеля отступить, отбив у него 4 пушки. Потеря с нашей стороны: убитых 800 чел., раненых более 1000. Турок легло на месте около 3000 чел. Замечательно, что все наши офицеры ранены коническими пулями, видимо, на них преимущественно целит неприятель: убитых офицеров 14 человек. Государь приказал офицерам носить в деле солдатские шинели.

Сегодня был обычный выход на Иордань¹⁶. Я не поехал, а Алексей Николаевич (граф А. Н. Протасов) с открытой головой смеялся над 20-ю градусами мороза.

Сегодня утром я был с докладом у великого князя, по окончании доклада он мне сказал: «Я намерен дать вам одно весьма важное поручение — не как директору департамента, а как князю Оболенскому. У нас нет каменного угля для навигации в будущем году, и ежели последует разрыв с Англией, то и дос-

тать его неоткуда. Я намерен сделать опыт заготовления донского антрацита — возьмите на себя труд заняться этим делом и сообразить, какие следовало бы принять теперь меры и во что может антрацит обойтись». Я отвечал великому князю, что не имею никакого понятия в этом деле, но постараюсь повидаться со знающими людьми и собрать все нужные сведения.

Вчера и сегодня я бегал, как угорелый, чтобы собрать все сведения по предмету заготовления донского антрацита. Оказывается, что это дело возможно, и хотя оно обойдется очень дорого, но необходимость должна заставить прибегнуть к этому средству. К тому же первый опыт будет весьма важен для последующих действий. Я вижу в этом деле огромное дело, которое получит государственную важность. Я представил великому князю соображения мои, он вполне остался ими доволен и сказал мне, что он докладывал уже об этом государю и что государь мысль мою совершенно одобрил. Поэтому надо немедленно приступить к делу. Я представил великому князю, что весь успех дела будет зависеть от расторопности и усердия исполнителей; что так как главным образом вся операция будет производиться на Дону, то надо поручить ее в совершенно полное и неограниченное распоряжение атамана, который, как говорят, весьма умный и добросовестный человек. Но чтобы избежать переписки, которая отнимет пропасть времени, необходимо командировать кого-нибудь на место, чтобы условиться с атаманом о всех подробностях дела. Великий князь сказал, что он непременно хочет передать все это дело в мой департамент и непосредственно моему распоряжению. «Ежели так, — сказал я, — так позвольте мне самому съездить на Дон». Великий князь очень обрадовался этому предложению, и так как у нас все делается неотлагательно, то тут же отдал все распоряжения о командировании меня.

Я собирался выехать сегодня, но жена не пустила; еду завтра. Великий князь написал прекрасное письмо Хомутову, прося его содействия.

Я приехал сегодня в Москву, обедал у папеньки, где собралось все семейство. В продолжение дня бегал как сумасшедший по всей родне, а в два часа ночи выехал из Москвы по тракту в Новочеркасск.

Сегодня в два часа ночи приехал я в Новочеркасск. Дорога ухабистая, снегу пропасть, я измучился ехать день и ночь ровно пять суток.

Остановился в довольно чистом трактире. От хозяина узнал, что атаман встает в 6 часов утра и с 7-ми уже принимает. Я решился, не ложась спать, приготовить к утру, обрился, вычистился и лег спать, напившись чаю в 4 часа ночи. Утром в 6 ч. 30 м. меня разбудили, и я, надев мундир, в 7 часов поехал к атаману. Михаила Григорьевича Хомутова застал я уже в кабинете занимающимся. Он не ожидал моего приезда и не знал причины его. Я передал отношение и письмо великого князя. Узнав, в чем дело, он сказал, что писал, настаивал, из кожи лез, чтобы доказать необходимость устроить правильное сообщение и упрочить снабжение антрацитом России, но что все его предположения лежат в Петербурге. Горячо к сердцу принял он настоящую потребность и уверил меня, что употребит все старания и всевозможные средства к исполнению предположения великого князя. Чтобы не дать промышленникам возможности поднять цены, он просил меня держать цель моего приезда в совершенном сек-

рете. Я это сделал с тем большим удовольствием, что, возвратясь домой, завалился спать и спал до двух часов мертвецким сном. Обедать поехал к Хомутову, он познакомил меня с женой и детьми. Сам Хомутов мне очень понравился. Человек он, видно, прямой, добрый и с искренним желанием блага, говорит немного, но дельно и, что в особенности замечательно, это то, что на меня не смотрел, как обыкновенно смотрят в провинции на заезжающего из столицы. Не было никаких пустых вопросов и неуместного любопытства — признак полноты истинных интересов и сочувствия оным. После обеда я опять пошел домой спать, а в 8 часов опять поехал к атаману, который познакомил меня со здешним купцом Коневым, человеком весьма умным и честным. Его Хомутов хочет употребить для производства предполагаемого заготовления. Препятствий к успешному окончанию этого дела — пропасть, и не знаю, удастся ли нам победить их. Завтра Конев доставит мне все нужные сведения, и к вечеру я, может быть, соберусь в обратный путь. Города Новочеркаска я не видел, да, кажется, и смотреть нечего — город новый, еще не совершенно отстроенный. Улицы, как степи, реки большой нет — Дон в 20-ти верстах. Следовало город построить на берегу Дона, но кому-то этого не захотелось, а теперь только повторяют: «Жаль, что не построили города в Аксае — отсюда 20 верст, там ему следовало быть. Жаль, очень жаль».

Не удалось мне сегодня выехать из Новочеркаска, надо было дожидаться возвращения приказчиков Конева, посланных им в Ростов для собрания разных сведений. Обедал я опять у атамана — вечером также был у него для окончательных переговоров. Дело, кажется, идет на лад и, с Божьей помощью, может быть доведено к желаемому концу. Сегодня я написал жене и Головинну письма и насилу их мог окончить. Рядом со мной в комнате кутят казаки-офицеры в компании с каким-то монахом из Сергиевской Пустыни, что близ Стрельны. Не только шум и гвалт мешал мне заниматься, но всякое слово, ими произнесенное, доходило до меня. Монаха напоили и стали делать с ним всякого рода бесчинства. Смешно и гадко было слышать. Были, между прочим, прекурьезные канонические споры, в которых казак совершенно загнал монаха. Я думал, что мне не придется сегодня от этого содома уснуть, но, наконец, все отправились, но не по домам, пьяного монаха тоже уговаривали ехать, но он остался непреклонным. Завтра со светом я намерен отправиться в обратный путь на Ростов, Харьков, Курск, Орел, где пробуду несколько часов у брата Андрея, а потом отправлюсь в Калугу, пробуду там сутки и потом в Москву. Сегодня весь день здесь страшная метель, так что дороги, вероятно, сделались еще хуже. Почта сегодня не пришла.

Я располагал выехать сегодня со светом, а наместо того атаман пришел за мною в 6-м часу утра, я оделся и немедленно отправился к нему. Атаман хотел сделать некоторую перемену в своем донесении, а потому и попросил у меня те бумаги, которые отданы были мне накануне. Разговор и совещание наше продолжалось часов до 10-ти утра, я вернулся домой, послали за лошадьми, но Конев уговорил меня ехать на Ростов пораньше, утверждая, что дороги тут гораздо лучше. Но так как этот тракт не почтовый, то я должен был нанять вольных лошадей. Мне привели таких кляч, что я предвидел горькую свою участь.

В 12 часов я выехал из Новочеркаска, и, действительно, дорога была хороша, но в Ростов я дотащился в 4-м часу, хотя расстояние от Новочеркаска всего 35 верст. Так как дело подходило к обеду, то во мне разыгрался страшный аппетит, подстрекаемый воспоминанием о стерлядях, балыках и осетрах, которыми, по статистическим сведениям, изобилует этот край. Я с жадностью спрашивал у проходящих, где получше трактир, и мне указали на один, который с наружного вида показался довольно чистым. Но какова была моя досада, когда меня ввели в сквернейшую и набитую народом гостиницу, в которой кухмистерская часть соответствовала всем прочим частям заведения. В отчаянии я стал расспрашивать поваров, что у них есть. «Что Вам угодно» — обыкновенный ответ. «Рыба есть?» — «Простая есть». — «А стерляди?» — «Стерлядей-с, нет-с». — «Отчего же?» — «Да не можем знать-с, не ловятся». — «Да помилуй, братец, Ростов славится рыбой». — «Как же-с, она у нас ловится-с, но здесь ее достать нельзя». — «Как, здесь нельзя купить осетрины?» — «Можно-с, но не первого сорта». — «А икры?» — «Икра есть-с». — «Почем?» — «Восемь гривен серебром за фунт». — «Помилуй, братец, это дороже петербургского». — «Почти так-с». — «Да отчего же это?» — «Так-с, такое уже это-с коммерческое заведение». Этот случай убедил меня еще более, что никак не следует у нас в России на статистических сведениях основывать какие-либо предположения, а тем более никак не возбуждать ими свой аппетит. Окончательно я, скрепя сердце, похлебал нечто вроде ухи из мерзкой осетрины и попробовал котлету, которую съесть не мог, хотя я от природы не брезглив. В Новочеркаске рекомендовали мне купца, от которого можно получить хорошую рыбу, я писал к этому купцу, но его не было в городе. С досады я послал за лошадьми, чтобы положить конец неудачам сегодняшнего дня. Не тут-то было. Метель, которая со вчерашнего дня не переставала, разыгралась вновь с новой силой. Дорога лежит степью, надеясь на дневной свет, пустился в дорогу. Только что мы выехали из города, дорога с глаз наших исчезла, и следы ее, занесенные снегом, пропали. Чуткие кони кое-как неслись в необозримой пустыне снегов. Начинало темнеть, и мы близ самой станции сбивались несколько раз с дороги. Добрались до станции; я думал по крайней мере найти покой и приготовился с терпением ожидать утра, употребив свободное время на составление окончательного донесения об исполненном мною поручении. Не тут-то было. Скверный и крохотный станционный дом был битком набит проезжающими, которые по необходимости должны были отложить всякое попечение о продолжении путешествия, ибо смотритель решительно объявил, что дороги нет и ехать невозможно. В числе проезжающих было 6 человек грузин, только что произведенных в офицеры из юнкеров. Они отправляются в действующую армию на Кавказ и исполнены отваги и молодецких порывов. Я спросил у них, не знают ли они Багратиона Мухранского, и один из них назвал его родственником, я дал ему письмо к Багратиону, — воображаю, как Багратион будет удивлен, получив от меня письмо со станции Чайтыры. Храбрые грузины решились пуститься в путь, надеясь на наши следы, которые, может быть, видны еще, и, кроме того, они едут на трех тройках и потому более безопасны от стай гуляющих волков. В Новочеркаске почтмейстер сказал мне, что на днях фельдшер еле от них отбился, и то

благодаря подоспевшей на помощь почте. Так как грузины уехали, то комната, в которой они были, освободилась, и я ее занял. Расположился в ней пить чай. Принес все свои вещи и намерен, кроме журнала¹⁷, написать сегодня еще целое донесение. Завтра со светом выеду. Дай Бог, чтобы метель к завтраму приутихла, иначе я просто не знаю, когда выеду.

1-го марта. Насилу добрался и до Орла. Говорят, дворяне избавлены от телесного наказания, но до тех пор, пока они не будут избавлены от ухабов, они этим правом не могут пользоваться. Что я вытерпел дорогой из Харькова в Курск, того никаким пером нельзя описать и никакими словами сказать. От Курска до Орла надеялся немного отдохнуть, но надежда моя не осуществилась, снегу нанесло ужасно, а военные обозы, парки¹⁸, артиллерия изрыли дорогу совершенно. Конечно, ни в какой земле нельзя встретить подобного зрелища, какому я был свидетель. Огромные военные фуры на колесах тянутся по всей дороге; шесть, а иногда семь лошадей насилу вытягивают ее из ухаба, иногда в сажень глубиною; несмотря на все это, обоз идет и люди следуют за ним бодро.

Войска, которые попадались мне навстречу, поразили меня своею бодростью и веселым расположением духа. Солдаты идут по глубокому снегу в метель и мороз, который доходил до 30 градусов, и, несмотря на все это, больных очень мало. Нельзя сказать, чтобы они особенно воодушевлены, что идут защищать веру и правое дело; по-видимому, они сами хорошенько не сознают, с кем и за что война, даже офицеры, с которыми мне на станциях пришлось говорить, не понимают в чем дело и куда они идут, тем не менее готовы драться и, если нужно, погибнуть. Что же будет, когда заиграет в них нравственное чувство и поймут, что идут против всей Европы, их ненавидящей, спасти не только единоверцев, но и могущество России?

В Орле я остановился у брата Андрея, который был очень обрадован моим приездом; у него я застал княгиню С. Н. Щербатову. Намерение мое было выехать в ночь в Калугу, но рассказы о дороге, мне предстоящей, и сильная метель заставили меня переночевать в Орле и утром отправиться в путь. Вечером собралось у брата моего много гостей — орловских помещиков. Его здесь, как и везде, очень любят. Во всех губернских городах общество обыкновенно разделено на партии; в Орле — также, у брата же соединяются все враждующие партии, и он хорош со всеми. Теперь в Орле выборы¹⁹ — сплетням и интригам, как кажется, несть конца. У брата вечером были и дамы. Меня поразила пустота разговоров и отсутствие местных интересов. Больше ни о чем не говорят, как о Петербурге и его удовольствиях, о России в особенности. Все анекдоты и каламбуры, слышанные мною при отъезде из Петербурга, услышал я опять в Орле. Политические события, по-видимому, мало занимают здешних жителей, как и в Петербурге. Я знаю, что придет минута, где все до единого соединятся в одном общем чувстве, но не менее того, очень жаль, что правительство не изыскивает средств руководить общественным мнением, хотя бы в отпор той дряни, которая каждый день читается в иностранных журналах.

Вчера выехал из Орла ровно в 12 часов утра, а сегодня в это же время приехал в Калугу. К счастью, здоровье Вареньки Толстой поправляется, и я на-

1855 год

шел ее лучше, чем ожидал. Вся болезнь ее происходит от забот, хотя, впрочем, спинная часть, видимо, поражена, и потому нервы ее в самом жалком положении. Егор Петрович не видит ничего серьезного в болезни Вареньки, а она сама старается скрыть перед ним все страдания свои. Эта женщина — ангел во плоти. Губернаторский дом, где живут Толстые, сильно возбудил во мне воспоминания о давно прошедшем. Странно судьба связала меня с Калугой: там провел я свое детство, там похоронены матушка, бабушка, сестра Зубова, которая за тем как будто бы только и приехала в Калугу, чтобы там умереть и лечь рядом с матушкой. Калуга для всех нас — родной город. Но вот, 20 лет спустя после того, как мы его оставили, Толстой назначается туда губернатором и помещается в том же доме, в котором жил батюшка с матушкой. Дети мои проводят лето в загородном доме губернаторском, там же, где и я жил, бегают по тем же местам, где и я бегал. Наконец, в теперешний мой приезд в Калугу, я ночевал в той же комнате, которая некогда была нашей детской. Я, как бы во сне, увидел все старое, и много грустных воспоминаний наполнило мою душу. Мне непременно хотелось видеть доктора Вареньки, чтобы от него обстоятельно узнать степень ее болезни. Бедная сиделка (Агафакля Петровна, урожденная княжна Трубецкая, сестра Дарьи Петровны Оболенской, впоследствии замужем за Клушиным) ухаживает за больной сестрой с удивительным и ангельским терпением. Я решительно не встречал в жизни девушки с такими высокими нравственными качествами. Доктор должен был возвратиться сегодня из Петербурга, но не приехал, а потому я остаюсь здесь до завтра.

Сегодня в 8 часов утра я приехал в Москву, во всю дорогу я спал, а потому нимало не устал. От жены писем ко мне нет — вероятно, она услала их в Новочеркасск. К Анне Петровне она писала, что Саша был нездоров. Это меня беспокоит, а потому я решился завтра же ехать в Петербург. Здесь узнал я, что английский и французский посланники получили паспорта²⁰, а нашим послам тоже приказано выехать. Давно пора. Итак, дела начинают оживляться. Посольство графа Орлова в Вену, несомненно, уехало. Австрия и Пруссия, ежели не решительно против нас, то по крайней мере и не за нас. Итак, мы одни против...

1855 год

Сейчас я узнал, что государь весьма болен. По словам медиков, у него воспаление в легких и подагра в груди. Государь простудился 10-го числа на свадьбе дочери Клейнмихеля, куда поехал в кавалергардской форме, в тонких сапогах, без теплых чулок. Лихорадка продолжалась три дня и была очень слаба, на четвертый день он выехал в манеж смотреть какие-то батальоны — тут он окончательно простудился и вернулся домой совершенно больной. Никто в городе не знал до сегодняшнего вечера о том, что болезнь государя опасна. Бюллетеней нет, граф Орлов сегодня настоял, чтобы с завтрашнего дня начали печатать известия о ходе болезни, чтобы приготовить народ к известию, которое может его внезапно поразить. Боясь, чтобы это не было поздно, доктор Карель, говорят, сегодня объявил, что не ручается ни за одну минуту.